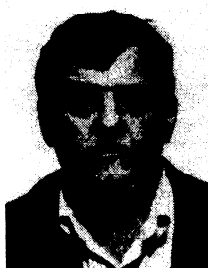

**ЛИЧНОСТЬ
И ВЛАСТЬ**

**Бирштейн
Вадим
Яковлевич** —
доктор биологиче-
ских наук. В журна-
ле "Человек" пуб-
ликуется впервые.

¹ Müller-Hill B.
Murderous Science.
Elimination by
Scientific Selection of
Jews, Gypsies, and
Others, Germany
1933–1945. Oxford:
Oxford Univ. Press,
1988. P. 100.

Статья
подготовлена при
финансовой
поддержке
РФФИ. Грант
№ 96-06-80802 а.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ НА ЛЮДЯХ В СТЕНАХ НКВД

© 1997

В.Я. Бирштейн

Может быть только надежда на абсолютную от-
крытость и отсутствие какой-либо секретности в на-
уке. Только в этих условиях мы можем надеяться,
что достигнут успеха исключительно те ученые, ко-
торые не путают человеческие индивидуумы с экс-
периментальными животными.

Б. Мюллер-Хилл. Убивающая наука¹

Летом 1990 года я в составе Международной комиссии по расследо-
ванию судьбы Рауля Валленберга приехал во Владимир для знаком-
ства с картотекой печально известной Владимирской тюрьмы, в про-
шлом Тюрмы № 2 НКВД–НКГБ–МГБ. Валленберг был шведским
дипломатом, спасшим в 1944 году тысячи евреев Будапешта от уничи-
тожения немецкими нацистами. Он был арестован сотрудниками
СМЕРШ ("Смерть шпионам" – особый отдел в войсках) в начале
1945 года и позже бесследно исчез на Лубянке. Реальных сведений о
нем нет с 1947 года.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов Владимирская тюрьма бы-
ла местом заключения многих осужденных высокопоставленных на-
цистов, которые после освобождения и возвращения в Германию в
1954–1956 годах дали показания шведским властям о пребывании
Валленберга в московских Лубянской и Лефортовской тюрьмах. В
течение многих лет ходили неясные слухи о возможном пребывании
Валленберга во Владимирской тюрьме. Международная комиссия
получила личное разрешение министра внутренних дел СССР Вади-
ма Бакатина проверить эту информацию по тюремной картотеке.
Карточка заводилась на каждого арестованного. В ней регистриро-
вались краткие биографические данные, состав преступления, ста-
тьи, по которым арестованный осужден, детали перемещения в за-
ключения, и т.д. Перед отъездом во Владимир мои коллеги по рабо-
те в московском "Мемориале" посоветовали поинтересоваться так-
же карточками нескольких известных сотрудников когда-то всеиль-
ного наркома безопасности Лаврентия Берии, которые были приго-
ворены после смерти Сталина и падения Берии не к расстрелу (как
Берия), а к тюремному заключению. Так я впервые узнал имя Гри-
гория Моисеевича Майрановского.

Следов пребывания Валленберга во Владимирской тюрьме Ме-
ждународная комиссия не нашла, но личность Майрановского и его

коллег из НКВД–МГБ меня заинтересовала. В карточке Майрановского стояло следующее: профессия – врач-фармаколог; старший инженер Лаборатории № 1 ООТ МГБ СССР; осужден 14 февраля 1953 года по статьям 193–17ф и 179 за “злоупотребление служебного положения” и “незаконное хранение сильнодействующих веществ”. Что скрывалось за этими словами? Бросалось в глаза, что заключенного Майрановского возили неоднократно обратно во Внутреннюю тюрьму МГБ–КГБ (официальное название Лубянки) в 1953, 1956–1958 годах – вероятно, на допросы. Что такого особенного знал этот человек?

В архиве “Мемориала” я познакомился с несколькими документами, пролившими свет на деятельность Майрановского. Позже последовали публикации о Майрановском в прессе, в том числе моих “мемориальных” коллег². Дополнительная информация была обнародована полковником юстиции Владимиром Бобреным, имевшим доступ к следственным делам Майрановского и Берии³. Постепенно стала складываться ясная картина: в конце 1930-х – начале 1950-х годов в составе НКВД–МГБ существовала лаборатория, которая разрабатывала яды, убивавшие жертвы без идентифицируемых следов, а также искала наркотики, которые могли бы стимулировать “откровенность” допрашиваемых жертв. Все яды и наркотики испробовались на людях – заключенных, приговоренных к смертной казни. Руководил экспериментами и проводил их “доктор” и биохимик Майрановский. В конце 1940-х годов “доктор” также выступал в роли палача: он вводил летальные дозы ядов жертвам – реальным или воображаемым политическим противникам советской власти, похищенным командой Павла Судоплатова (о нем ниже) на улицах разных городов Советского Союза. “Достижения” Майрановского были также использованы агентами КГБ за границей для политических убийств. До последнего времени один из самых страшных ядов Майрановского, ризин, промышленно производился в России как химико-биологическое оружие.

“Лаборатория смерти” – “Камера”

Краткая предыстория

Впервые работа над использованием ядов и наркотиков стала проводиться в ОГПУ с 1926 года по указанию наркома безопасности Вячеслава Менжинского. Специальная лаборатория была частью секретной группы, которую возглавлял бывший эсер-боевик Яков Серебрянский. “Яшина группа” была создана для проведения террористических актов за границей, подчинялась непосредственно наркому и существовала до 1938 года.

Следующий нарком, Генрих Ягода, интересовался ядами профессионально: по образованию он был фармацевт. По-видимому, при Ягоде специальная лаборатория состояла из двух подразделений: химического и химико-бактериологического. В 1936 году по приказу Сталина Ягода был смещен с поста наркома безопасности, арестован в марте 1937 года, осужден во время суда над Николаем Бухариным за организацию убийств, якобы совершавшихся врачами, и расстрелян в 1938-м.

При новом нарcome, Николае Ежове, методы “Яшиной группы” стали применяться для “чистки” даже на Лубянке. 17 февраля 1938

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

² Бандура Ю., Бура С. Григорий Майрановский – гипотезы и факты // Моск. новости. 1990. 30 сент. (№ 39). С. 15; Блохин Н. Свидетельствует академик Блохин // Там же; Петров Н., Касаткина Т. Экспертиза “Мемориала” // Там же; Геворкян Н. Чисто болгарское убийство // Там же. 1991. 28 апр. (№ 17). С. 15; Геворкян Н., Петров Н. Терракты // Там же. 1992. 2 авг. (№ 31). С. 10; Они же. “Признать целесообразным осуществление актов террора” // Там же. 30 авг. (№ 35). С. 10.
³ Бурбыга Н. Приговорен к “медосмотру”. Как действовали спецлаборатории НКВД // Известия. 1992. 16 мая (№ 114).

⁴ Costello J., Tsarev O. *Deadly Illusions*. N.Y.: Crown Publishers, Inc., 1993. P. 299–300.

⁵ Ежов был расстрелян в январе 1940 года, Фриновский – 2 февраля 1940 года.

⁶ Deriabin P., Gibney F. *The Secret World*. N.Y.: Ballantine Books, 1983. P. 159–160.

года начальник Иностранного отдела НКВД Абрам Слуцкий был найден мертвым в кабинете Михаила Фриновского, заместителя нового наркома. Рядом с неуклюже сползшим с кресла телом Слуцкого стоял пустой стакан из-под чая. Фриновский конфиденциально объявил сотрудникам НКВД, что врач уже установил причину смерти: разрыв сердца. Несколько офицеров, знавших симптомы отравления цианистым калием, заметили специфические синеватые пятна на лице Слуцкого⁴.

Короткое кровавое правление Ежова закончилось в конце 1938 года, когда он был обвинен в “политической ненадежности”, осужден и расстрелян⁵. При новом наркome, Лаврентии Берии, секретная лаборатория была реорганизована. С 1938 года она была включена в состав 4-го спецотдела НКВД, а с марта 1939-го ее возглавил Михаил Филимонов, фармацевт по образованию, имевший степень кандидата медицинских наук. С этого момента Майрановский был зачислен начальником 7-го отделения 2-го спецотдела НКВД, одной из двух лабораторий этого спецотдела. Начальником второй лаборатории стал Сергей Муромцев (о нем ниже). Спецотдел подчинялся непосредственно наркому Лаврентию Берии и его заместителю Всеволоду Меркулову. “Лаборатория смерти” просуществовала до 1946 года, когда была включена в состав Отдела оперативной техники (ООТ) и стала Лабораторией № 1 ООТ уже при новом министре госбезопасности Викторе Абакумове⁶.

Под руководством Майрановского

Первое упоминание о специальной лаборатории в системе МГБ, в которой проводились эксперименты на людях, появилось на Западе в 1983 году в книге бывшего сотрудника КГБ невозвращенца Петра Дерябина. Он писал: «С 1946 г. по 1953 в составе структуры Министерства государственной безопасности в Москве существовала пресловутая лаборатория под названием “Камера”. Она состояла из медика-заведующего и нескольких помощников. Они проводили опыты на людях – заключенных, приговоренных к смертной казни, – чтобы определить эффективность различных ядов и инъекций, а также гипноза и наркотиков при допросах. Только министр государственной безопасности и четыре офицера из высшего руководства МГБ имели доступ к этой лаборатории»⁶.

Некоторые детали работы лаборатории стали известны лишь недавно. Полковник Бобренов, имевший доступ к следственным делам Майрановского и Берии, так описывает “лабораторию смерти”: «Под лабораторию... выделили большую комнату на первом этаже уголовного здания, что в Варсанофьевском переулке. Комната была разделена на пять камер, двери которых с несколько увеличенными глазками выходили в просторную приемную. Здесь во время экспериментов постоянно дежурил кто-то из сотрудников лаборатории...»

...Почти ежедневно в лабораторию поставляли заключенных, приговоренных к расстрелу. Процедура внешне походила на обычный медицинский осмотр. “Доктор” участливо расспрашивал “пациента” о самочувствии, давал советы и тут же предлагал лекарство...»

По свидетельствам очевидцев, “Майрановский приводил в лабораторию дряхлых и цветущих по состоянию здоровья людей, полных

и худых... Одни умирали через три-четыре дня, другие мучились с неделю”.

Основная цель лаборатории состояла в поиске ядов, которые нельзя было бы идентифицировать при вскрытии. Сначала Майрановский испробовал безвкусовые производные иприта. Похоже, он начал экспериментировать с этими веществами даже раньше, чем его коллеги в нацистской Германии, где впервые эксперименты с ипритом были проведены на заключенных Заксенхаузена в 1939 году⁷. Результаты экспериментов Майрановского с производными иприта закончились неудачно: яд обнаруживался в трупах жертв. Нацистским коллегам Майрановского было проще: производное иприта “Циклон Б” срабатывало в лагерях смерти эффективно, и не было необходимости скрывать его применение.

Больше года ушло у Майрановского на “работу” с рицином – растительным белком, содержащимся в семенах клещевины. Поскольку испробовались разные дозы рицина, остается только гадать, сколько жертв погибло при этих экспериментах. Действие каждого из других ядов – дигитоксина, таллия, колхицина – опробовалось на 10 “подопытных”. За мучениями жертв, не умерших сразу, экспериментаторы наблюдали в течение 10–14 дней, после чего “подопытных” убивали.

В конце концов был найден яд с требуемыми свойствами – “К-2” (карбиламинхлорид). Он убивал жертву быстро и не оставлял следов. Согласно показаниям очевидцев, после приема “К-2” “подопытный” делался “как бы меньше ростом, слабел, становился все тише. И через 15 минут умирал”⁸.

В 1942 году Майрановский обнаружил, что под влиянием определенных доз рицина “подопытный” начинает исключительно откровенно говорить. Майрановский получил одобрение руководства НКВД–НКГБ работать над новой темой – “проблемой откровенности” на допросах. Два года ушло на эксперименты лаборатории Майрановского по получению “откровенных” и “правдивых” показаний под влиянием медикаментов. Были безрезультатно опробованы хлоралскополамин и фенаминбензедрин. Допросы с использованием медикаментов проводились не только в лаборатории, но и в обеих тюрьмах Лубянки, № 1 и 2. Один из основных сотрудников лаборатории (а также ассистент кафедры фармакологии 1-го Московского медицинского института), Владимир Наумов, открыто считал эти эксперименты профанацией. Однако известно, что после войны, в 1946 году, советские “советники” из МГБ использовали наркотики при допросах политических заключенных, арестованных в странах Восточной Европы⁹.

Помимо самих ядов, проблемой был и способ введения их в организм жертвы. Сначала яды подмешивались к пище или воде, давались под видом “лекарств” до и после еды или вводились с помощью инъекций. Было опробовано и введение яда через кожу – ее обрызгивали или смачивали ядовитым раствором. Потом пришли идеи трости-колки и стреляющей авторучки. На разработку отравленных маленьких пуль для этих устройств, эффективно убивающих жертву, было потрачено много времени и усилий. Опять-таки о количестве жертв приходится только гадать.

Стрельбой отравленными пулями в затылки жертв главным образом занимался начальник 4-го спецотдела Павел Филимонов. Пули

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

⁷ Kogon E. The Theory and Practice of Hell. N.Y.: Berkeley Books, 1982. P. 173.

⁸ Бурбыра Н. Указ. соч.

⁹ Felix C. (McCagar J.) A Short Course in the Secret War. Lanham: Madison Books, 1992.

были легкими, с полостью для яда, поэтому убийства не всегда проходили гладко. Бывали случаи, когда пуля попадала под кожу и жертва извлекала ее, умоляя Филимонова больше не стрелять. Филимонов стрелял вторично. Согласно свидетельству Бобренева, в 1953 году на допросах по делу Берии Майрановский вспомнил случай, когда он сам стрелял в жертву три раза: по правилам лаборатории, если жертва не умирала от яда, содержащегося в первой пуле, следовало попробовать другой яд на той же жертве. В 1954 году на допросе академик ВАСХНИЛ Сергей Муромцев, сам убивший 15 заключенных (данные Бобренева), утверждал, что он был поражен садистским отношением Майрановского к жертвам.

Иногда приходили "поупражняться" в стрельбе или экспериментах сотрудники других немногочисленных ведомств МГБ, которые знали о существовании секретной лаборатории. Одним из них, по словам Бобренева, был Наум Эйтингон**, заместитель и соратник начальника Службы ДР (диверсий и террора) МГБ Павла Судоплатова*** (оба организаторы убийства Льва Троцкого). По воспоминаниям Судоплатова, он сам и Эйтингон были также в сердечных, дружеских отношениях с Майрановским****.

После смещения Майрановского с поста заведующего в 1946 году Лаборатория № 1 была разделена на две, фармакологическую и химическую. Во главе их были поставлены упомянутый выше В. Наумов и А. Григорович. Лаборатории перевели из центра Москвы в новое здание, построенное в Кучино. По-видимому, работа над ядами закончилась в 1949 году. В 1951 году обсуждался вопрос полного расформирования этих лабораторий. Похоже, в это время руководство СССР отдавало предпочтение бактериологическим методам политических убийств: в 1946 году руководитель Бактериологической группы профессор Сергей Муромцев был удостоен Сталинской премии. Во всяком случае, в 1952 году один из самых успешно действовавших за границей агентов МГБ, Иосиф Григулевич, тренировался использовать специальное оборудование для убийства руководителя Югославии Иосипа Тито с помощью распыленных бацилл чумы.

Кто жертвы? Сколько их?

1-е Специальное (потом Учетно-архивное или "А") управление НКВД-МГБ отвечало за поставку "подопытных" в лабораторию Майрановского. Отбором для опытов среди приговоренных к смертной казни в Бутырской тюрьме занимался начальник (1941-1953) этого управления Аркадий Герцовский и несколько других сотрудников МГБ (И. Балишанский, Л. Баштаков, Калинин, Петров, В. Подобедов), в Лубянской тюрьме – комендант генерал Василий Блохин и его специальный помощник П. Яковлев. Отбор и доставка "подопытных" в лабораторию происходили согласно предписанию, разработанному и подписанному Петровым, Баштаковым, Блохиным, Майрановским и Щеголевым и санкционированному Берией и Меркуловым. Позже этот документ хранился в личном сейфе Судоплатова.

Трудно указать общее число погибших в ходе экспериментов: разные источники называют цифры от 150 до 250. По утверждению полковника Бобренева, часть жертв были уголовники, но, несомнен-

но, большинство были политические заключенные, арестованные по пресловутой статье 58 УК РСФСР. Известно, что среди жертв были немецкие и японские военнопленные, польские граждане, корейцы, китайцы. Полковник Бобренев указывает, что по меньшей мере четверо немецких военнопленных в 1944 году, а в конце 1945 года еще трое немецких граждан были предоставлены для экспериментов. Последние трое были антифашистами-политэмигрантами, бежавшими из нацистской Германии; они умерли через 15 секунд после летальных инъекций. Тела двух жертв были кремированы, тело третьей было привезено в Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. Патологоанатомическое вскрытие показало, что покойный умер от паралича сердца; следов яда патологоанатомы не нашли. Японские военнопленные, офицеры и рядовые, а также арестованные японские дипломаты использовались в экспериментах по "проблеме откровенности".

К этим жертвам надо прибавить еще по меньшей мере четыре, которые стали объектами политических убийств. В своем обращении к XXIII съезду Коммунистической партии Судоплатов писал: "Внутри же страны в период второй половины 1946 года и в 1947 году было проведено 4 операции:

1. По указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) Украины Хрущева, по плану, разработанному МГБ УССР и одобренному Хрущевым, в гор. Мукачево был уничтожен Ромжа – глава греко-католической церкви, активно сопротивлявшийся присоединению греко-католиков к православию.

2. По указанию Сталина в Ульяновске был уничтожен польский гр-н Самет, который, работая в СССР инженером, добыл сов. секретные сведения о советских подводных лодках, собираясь выехать из Советского Союза и передать эти сведения американцам.

3. В Саратове был уничтожен известный враг партии Шумский, именем которого – шумкизм – называлось одно из течений среди украинских националистов. Абакумов, отдавая приказ об этой операции, ссылаясь на указания Сталина и Кагановича.

4. В Москве по указанию Сталина и Молотова был уничтожен американский гражданин Оггинс, который, отбывая наказание в лагере во время войны, связался с посольством США в СССР, и американцы неоднократно посылали ноты с просьбой о его освобождении и выдаче разрешения ему на выезд в США.

В соответствии с Положением о работе Спец. Службы, утвержденным правительством, приказы о проведении перечисленных операций отдавал бывший тогда министр госбезопасности СССР Абакумов. Мне и Эйтингону хорошо известно, что Абакумов, по всем этим операциям Спец. Службы МГБ СССР, докладывал в ЦК ВКП(б)"¹⁰.

В своих мемуарах Судоплатов еще более откровенен и с гордостью подробно описывает эти убийства. Команда Судоплатова-Эйтингона занималась похищением жертвы, убийство же было "работой" Майрановского. Поскольку архиепископ Ромжа находился в госпитале после организованной местным руководством МГБ автомобильной катастрофы, Майрановский снабдил ядом кураре дежурившую возле архиепископа медицинскую сестру – сотрудницу МГБ. В Саратове под видом врача он лично ввел также яд кураре лежавшему в больнице А. Шумскому. Похи-

В. Бирштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

¹⁰ См.: Геворкян Н.,
Петров Н. Теракты.

щенный на улице Ульяновска интернированный с 1939 года польский гражданин Самет тоже умер в руках Майрановского от инъекций кураре. Исаак Оггинс, американский коммунист и ветеран Коминтерна, в середине 1930-х годов работал агентом НКВД в Китае и других странах Дальнего Востока. В 1938-м он приехал в СССР с поддельным чешским паспортом и моментально был арестован сотрудниками НКВД. После второй мировой войны его жена обратилась в американское посольство в Москве с просьбой способствовать освобождению и выезду мужа в США. Оггинс был "освобожден" с помощью Эйтингона и укола Майрановского. Судоплатов также упоминает о других случаях, когда Эйтингон (который свободно говорил на нескольких языках) приглашал иностранцев на специальные квартиры МГБ в Москве, где их ждал с "осмотром" "доктор" Майрановский. Судоплатов не устал повторять, что все это происходило по прямому указанию высшего руководства ВКП(б) и членов правительства.

Карьера палача

Начало

Автобиография, копия которой хранится в архиве "Мемориала", помогает восстановить этапы карьеры Майрановского.

Григорий Моисеевич Майрановский родился в 1899 году, еврей, обучался в Тифлисском университете и потом во 2-м Московском медицинском институте, который окончил в 1923 году. С 1928 года он был аспирантом, научным и потом старшим научным сотрудником Биохимического института им. А.Н. Баха, а в 1933–1935 годах руководил токсикологическим отделом того же института; кроме того, в 1934 году назначен заместителем директора этого института. В 1935 году Майрановский перешел во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), где по 1937 год заведовал секретной токсикологической специалбораторией. В 1938–1940 годах он был старшим научным сотрудником отдела патологии терапии ОВ (отравляющих веществ) и одновременно начал работать в системе НКВД. С 1940 года до момента ареста (13 декабря 1951 года) Майрановский целиком отдавал себя работе в "лаборатории смерти".

Судя по этой биографии, к началу проведения опытов на людях с использованием производных иприта в Лаборатории № 1 Майрановский был профессионалом в работе с токсическими веществами. В конце 1920-х – начале 1930-х годов советское руководство было одержимо идеей химического оружия и исследования по отравляющим газам велись совместно с немецкими экспертами на Советской территории, около Самары¹¹. Руководителем специальной школы "Томка" был немецкий специалист по ОВ Людвиг фон Зихерер, и первый советский завод по производству химического оружия "Берсоль" был построен немецкими фирмами. В 1933 году это сотрудничество закончилось, и, вероятно, Майрановский принадлежал к тому поколению секретных ученых, которые продолжили эти работы уже без немецких специалистов.

¹¹ Dyakov Yu., Bushueva T. The Red Army and the Wehrmacht. How the Soviets Militarized Germany, 1922–33, and Paved the Way for Fascism. N.Y.: Prometheus Books, Amherst, 1995. P. 21–23, 178–189, 193–203.

В июле 1940 года на закрытом заседании ученого совета ВИЭМ Майрановский защищал диссертацию на соискание степени доктора биологических наук. Диссертация называлась “Биологическая активность продуктов взаимодействия иприта с тканями кожи при поверхностных аппликациях”. Оппоненты – А.Д. Сперанский, Г.М. Франк, Н.И. Гаврилов и Б.Н. Тарусов – дали положительные отзывы. Любопытно, что объект исследования – **кожа (чья?)** – не был упомянут в диссертации и не вызвал вопросов у оппонентов. Позднее, во время допросов после ареста, Майрановский был более откровенен. По словам полковника Бобренева, Майрановский показал, что он не изучал действие иприта на кожу, а включил в диссертацию данные о действии производных иприта, принятых “подопытными” в Лаборатории № 1 с пищей.

В 1964 году в письме на имя президента АМН СССР академика Николая Блохина Майрановский так характеризовал суть своей диссертации: «В диссертации были раскрыты некоторые стороны механизма токсического действия на организм (патофизиология и клиника иприта). На основе исследования вопроса механизма действия иприта мною предложены рациональные методы терапии ипритных поражений. Токсическое действие иприта (медленность действия, некоторый “инкубационный” период и латентный характер действия), обширные и общие поражения организма (типа “цепных” реакций) от сравнительно малых количеств поражающего вещества имеют много общего с поражающим действием на организм злокачественных новообразований. Принципы эти могут быть применены и для терапии некоторых злокачественных новообразований».

При чтении этих строк “врача-гуманиста”, думающего о лечении раковых заболеваний, и знания того, как были добыты сведения о “патофизиологии и клинике иприта”, мне лично становится не по себе. Ведь это несколько лет “экспериментов”, во время которых Майрановский и его сотрудники наблюдали сквозь глазок в двери камеры за мучениями жертв, которых они отравляли соединениями иприта. Любопытно, что подобных эмоций и вопросов о том, **как и на ком** получены данные о действии иприта, у академика Блохина не возникло. Он достаточно высоко оценил работу Майрановского.

С утверждением диссертации Майрановского произошла заминка, Пленум Высшей аттестационной комиссии предложил ее доработать. Вторично диссертация была представлена в ВАК в 1943 году. Остается гадать, какие новые данные включил в нее Майрановский и скольким жертвам эти данные стоили жизни. Похоже, что утверждение и на этот раз произошло только при активном вмешательстве директора ВИЭМ профессора Н.И. Гращенкова и академика А.Д. Сперанского, а также под “нажимом” заместителя наркома безопасности Меркулова. Эти небольшие затруднения не помешали ученому совету ВИЭМ на заседании 2 октября 1943 года присвоить Майрановскому звание профессора патофизиологии. Примечательно, что голосование прошло не единогласно, а при одном голосе “против” и двух “воздержавшихся”.

После окончания войны Майрановский и два других сотрудника лаборатории были посланы в Германию для розыска немецких экспертов по ядам, экспериментировавших на людях. Майрановский вернулся в Москву убежденным, что достижения нацист-

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

Тема Н.Н. Блох
 Президент А.М. Б. Блох
 1/2 1940, май, май (документы и письма)
 факт. 6-40 по делу: "Виконтская организация
 профессора Владимирского и других (Григорий Котин)".
 Отличительным знаком были А.Д. Роденко; Н.В. Бра-
 ндман, Г.Н. Франк, Б.Н. Мерсов, Л.В. Голубов.
 В организации была также группа
 "Движение борьбы за свободу" (создан на основе
 информации Кривошеина).

Фрагмент письма
 Майрановского
 президенту АМН
 СССР академику
 Н.Н. Блоху
 от 4 июня 1964 года

ских экспертов в этой области были гораздо меньшими, чем советских.

В 1946 году Майрановский был смещен с поста заведующего лабораторией и под руководством Судоплатова и Эйтингона активно включился в деятельность Службы ДР в качестве убийцы.

Арест и Владимирская тюрьма

13 декабря 1951 года Майрановский был арестован по обвинениям в "злоупотреблении служебным положением" и "незаконном хранении сильнодействующих веществ". Шла гигантская борьба за власть. Сталин очередной раз менял руководство МГБ: в июле 1951 года был арестован всемогущий министр МГБ и непосредственный начальник Майрановского – Абакумов. Ему вменялось в вину, в частности, то, что в МГБ якобы существовала группа заговорщиков-сионистов. Многие евреи – сотрудники МГБ были арестованы (среди них был обвиненный в принадлежности к "сионистской группе" Эйтингон), другие лишились работы в "органах". Абакумов прошел через чудовищные пытки, которые его ведомство изобрело для подследственных, и был расстрелян. Решением Особого совещания при МГБ Майрановский был осужден к 10-летнему тюремному заключению. Отбывать наказание он был направлен во Владимирскую тюрьму МГБ № 2, самую секретную тюрьму СССР для политических заключенных.

Интернациональное население Владимирской тюрьмы в то время требует специального внимания. Здесь я только упомяну, что в этой тюрьме содержались многие известные советские ученые, военные, артисты, арестованные и осужденные по приказу Сталина родственники его жены, Надежды Аллилуевой, министры бывших до 1940 года независимыми балтийских стран и их жены, в недавнем

прошлом высокопоставленные немецкие, австрийские и японские офицеры и дипломаты, реальные и мнимые сотрудники разведок разных стран, зачастую выкраденные агентами МГБ и переправленные в СССР, и т. д. Все имели очень долгие сроки заключения (обычно 25 лет) и содержались, как правило, в строгой изоляции; министры балтийских стран и их жены не знали, что находятся в одной и той же тюрьме. Особо секретные заключенные были лишены имен и имели только номера; их реальные имена знал только начальник тюрьмы.

По иронии судьбы, во Владимирской тюрьме содержался и нацистский "коллега" Майрановского, один из самых страшных врачей-экспериментаторов Освенцима, Карл Клауберг. Сначала он был удачливей Майрановского: вместе с другими военнопленными был освобожден в 1955 году, вернулся в Германию, где открыл собственную врачебную практику. Он не только не скрывал своего участия в "медицинских" экспериментах по стерилизации женщин в Освенциме, но даже широко рекламировал их. Позже он был арестован опять и в 1957 году умер в Киевской тюрьме, ожидая нового процесса¹².

После смерти Сталина и последовавшей борьбе за власть, включая расстрел начальников Майрановского – Берии и Меркулова, для большинства заключенных условия в тюрьме улучшились. Тех близких сотрудников Берии, кто не был расстрелян, в 1957 году перевезли во Владимир. Майрановский опять встретился со своими друзьями и соратниками Судоплатовым и Эйтингоном.

Ленинградский математик-диссидент Револьт Пименов, осужденный по пресловутой "политической" 70-й статье УК РСФСР к тюремному заключению, был сокамерником бериевцев во Владимирской тюрьме. Он вспоминал, что во время прогулок в тюремном дворе Майрановский обязательно надевал генеральскую папаху, хотя до

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

¹² Lasik A. Postwar prosecution of the Auschwitz SS // Anatomy of the Auschwitz Death Camp. US Holocaust Memorial Museum. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1994. P. 588–600.

ПРЕЗИДЕНТ
АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК
СССР

г. Махачкала, ул. Гагарина
19, кв. II
Г.М. Майрановскому

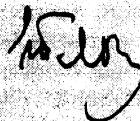
Ч. 4 - 11.11.1964 г.

10.1.1969

Уважаемый Григорий Монсеевич!

Москва, Солянка, 14.
Тел. К 7-20-75

Если Вы будете в Москве в конце июня мес., то можете зайти ко мне в Академию медицинских наук СССР /Солянка, 14/ для разговора по интересующему Вас вопросу.

 Н. Блосхин

осуждения имел звание только полковника. Майрановский также запомнился Пименову «своим окриком 12 апреля 1961, когда все ликовали запуску Гагарина в космос: “А Вы почему не улыбае-тесь? Вам не нравятся достижения Советской Власти?!”»¹³.

Другое воспоминание о пребывании Майрановского во Влади-мирской тюрьме мы, члены Международной комиссии по Вал-ленбергу, услышали в 1990 году от бывшего врача тюрьмы Еле-ны Бутовой. Врач рассказала о поразившем ее случае, когда она попыталась сделать инъекцию одному из заболевших заключен-ных. Увидев женщину в белом халате со шприцем в руках, Май-рановский закричал: “Не подходите ко мне! Вы хотите меня убить! Я знаю, как это делается!”

В 1953–1957 годах Майрановского неоднократно привозили из Владимира в Москву, на Лубянку, для допросов. Что происхо-дило на этих допросах, все еще таится в материалах закрытых ар-хивов. Известно только, что показания Майрановского и других бывших сотрудников МГБ о “лаборатории смерти” послужили одним из главных оснований для смертных приговоров бывшим начальникам Майрановского – Берии и Меркулову.

Конец

В декабре 1961-го Майрановский был освобожден по отбы-тии срока заключения и вернулся в Москву. Он написал проше-ние о реабилитации, но вместо реабилитации получил предписа-ние покинуть Москву. Майрановский переехал в Махачкалу, где заведовал биохимической лабораторией. В Махачкале в 1964 го-ду он умер.

В 1989 году сыновья Майрановского попытались вновь по-дать прошение о посмертной реабилитации их отца. В своем от-вете на это прошение старший помощник Генерального прокуро-ра СССР В.И. Илюхин писал: “Его [Майрановского] вина в со-вершении преступлений материалами уголовного дела доказана. Оснований к пересмотру дела и реабилитации Майрановского Г.М. не имеется”.

Соучастники

Коллеги

Как и в любой другой лаборатории, в “лаборатории смерти” был штат сотрудников. Они занимались тем же, чем Майранов-ский, – экспериментами на людях. Известны имена нескольких сотрудников: А.А. Григорович – помощник Майрановского, хи-мик В.Д. Щеголев, руководитель бактериологической группы профессор (с 1948 года академик ВАСХНИЛ) С.Н. Муромцев, фармацевт В. Наумов, Кирильцева, Маг, Дмитриев, Емельянов, Щеглов. Сотрудники МГБ М.П. Филимонов, Н.И. Эйтингон и Ф.Ф. Осинкин присутствовали при экспериментах и участвовали в них. К постановке экспериментов привлекались и ученые-за-ключенные Аничков и Горский.

Лаборатория № 1 не была исключением и в смысле внутрила-бораторных конфликтов и интриг, особенно между Майранов-ским и двумя другими старшими сотрудниками – Наумовым и Григоровичем. Но “специфика” работы лаборатории давала свои

¹³ Волин О. [псевдо-ним Р. Пименова]. С бериевцами во Вла-димирской тюрьме // Минувшее. Р.: Athenium, 1989. № 7. С. 357–372.

Майраповскому Ф.Г.

II 3093, г. Москва
В. Серпуховская, д. 70 кв. 68

Уважаемый Феликс Григорьевич !

Ваше заявление в Комиссию Политбюро ЦК КПСЗ по вопросу реабилитации отца - Майрановского Г.М. рассмотрено.

Изучение в Прокуратуре СССР уголовного дела по обвинению Майрановского Григория Моисеевича показало, что он за злоупотребление властью и незаконное хранение охлыводействующих ядовитых веществ к уголовной ответственности привлечен обоснованно. Его вина в совершении преступлений материалами уголовного дела доказана. Оснований к пересмотру дела и реабилитации Майрановского Г.М. не имеется. В связи с этим Ваше заявление оставлено без удовлетворения.

Об изложенном прошу Вас поставить в известность
Майрановского В.Г. и Майрановского С.Г.

Старший помощник Генерального прокурора Союза ССР

В. М. Мухомин

Подпись _____

[illegible]

Ответ из прокуратуры по делу Майрановского

ЧЕЛОВЕК 5/97

¹⁴ Цит. по: Абелев Г.И., Крюкова И.Н., Гершанович В.Н. Эта горькая правда // Огонек. 1988. № 29. С. 23–34.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же.

плоды: Филимонов начал серьезно пить после 10 “экспериментов”, Муромцев не смог продолжить работу после 15 “опытов”. В своем прошении о реабилитации, посланном на имя Генерального секретаря ЦК КПСС в 1955 году, Майрановский указывал, что из-за стресса сотрудники Щеголев и Щеглов покончили жизнь самоубийством, Филимонов, Григорович и Емельянов превратились в алкоголиков или заболели психически, а Дмитриев и Маг стали неработоспособными.

Насколько мне известно, из всего коллектива “лаборатории смерти” только Майрановский был осужден, правда, не за убийства, а за “незаконное хранение сильнодействующих веществ”. Из-за хронического алкоголизма Филимонов был уволен из центрального аппарата МГБ в 1947 году и совсем из МГБ в 1949. Несколько раз его направляли в психиатрическую больницу с галлюцинациями об отравленных умирающих заключенных и тех, кого он расстрелял. Наумов и Григорович, очевидно, были ненадолго арестованы для дачи показаний о лаборатории.

В августе 1951 года коллега Майрановского академик ВАСХНИЛ С.Н. Муромцев был уволен из органов МГБ “по состоянию здоровья” в звании полковника медицинской службы. В 1956 году он был назначен директором Института эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи (ИЭМ) АМН СССР, однако до самой смерти (1960) оставался только исполняющим обязанности директора, поскольку на выборах в директора его дважды не утверждали на сессиях Медицинской академии. Научные достижения Муромцева никому не были известны, однако его поддержка Трофима Лысенко была широко известна: на пресловутой сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года Муромцев выступил с заявлением, что “микробиология ждет своего Лысенко”. Неудивительно, что после сессии он стал академиком ВАСХНИЛ.

Когда Муромцев стал директором ИЭМ, известный ученый академик П.Ф. Здродовский подал заявление об уходе из института, поскольку считал невозможным работать под начальством этого директора. У него уже был “опыт” работы с Муромцевым в качестве бесправного заключенного. За несколько лет до этого заключенному Здродовскому легче было переносить допросы на следствии, чем работать в “шарашке” под начальством С.Н. Муромцева. «Как заключенный я должен был молчать на все унижительные глумления, которые допускал в мой адрес С.Н. Муромцев. Каждый день, когда меня везли из внутренней тюрьмы в “шарашку”, — я ехал как на заклание»¹⁴. Здродовский вернулся на работу в ИЭМ только после смерти Муромцева.

Другой бывший заключенный, академик Л.А. Зильбер, тоже собирался уйти из института. Как вспоминают свидетели тех событий, “в какой-то момент терпение Л.А. Зильбера лопнуло: он пришел в кабинет директора, запер его на ключ... Что было за дверью, мы не знаем, но известно, что были сломаны стулья, а Л.А. Зильбер заявил нам после этого, что можно работать спокойно — никого не тронут”¹⁵. В своем письме в “Огонек”, опубликованном в 1988 году, сотрудники ИЭМ — член-корреспондент АН СССР Г.И. Абелев и доктора наук И.Н. Крюкова и В.Н. Гершанович отмечали, что “директорство С.Н. Муромцева в ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи не оставило ни научного следа, ни доброй памяти в истории этого института”¹⁶.

Два начальника и соратника Майрановского по убийствам – Судоплатов и Эйтингон были реабилитированы решением Главного военного прокурора СССР генерала Павла Борискина в декабре 1991 года. Эйтингон был реабилитирован посмертно, Судоплатов гордился реабилитацией до самой смерти, последовавшей осенью 1996 года. Мне не известно, как генерал Борискин согласовал свое решение со словами обвинительного заключения 1954 года по делу Абакумова: “Как неопровержимо доказано предварительным и судебным следствием по делу Берия и его сообщников, совершая тягчайшие и бесчеловечные преступления, выражавшиеся в производстве опытов над живыми людьми, тайных похищениях и умерщвлении людей, Берия опирался на группу таких, целиком преданных ему участников этой преступной клики, как Судоплатов, Эйтингон, Майрановский (арестованы), совершавших тяжкие злодеяния против человечности”¹⁷.

Те, кто знал и одобрил

Работая с документами Майрановского, я испытал шок не только от того, что прочитал о нем, но и от того, что я лично помню со студенческих лет двух официальных оппонентов Майрановского – профессора Б. Тарусова и академика Г. Франка. То есть я знал людей, кто одобрил результаты чудовищных преступных экспериментов, проводившихся в СССР по указанию руководства страны. Ибо положительная рецензия на секретную работу о действии иприта на кожу даже без указания на **чью кожу** (что не может никого обмануть) – это соучастие в преступлении. Решив выяснить для себя, кто были эти ученые, кто **знал** о работе Майрановского и **одобрил** ее, я обратился к Большой Медицинской и Большой Советской энциклопедиям и другим источникам.

Алексей Дмитриевич Сперанский (1888–1961), патолог и физиолог, был академиком обеих академий. В 1923–1928 годах он работал в лаборатории академика И.П. Павлова, а в дальнейшем возглавлял разные лаборатории и институты. Сперанский писал отзыв на диссертацию Майрановского и помогал с ее утверждением, когда заведовал отделом общей патологии ВИЭМ. В 1943 году он отмечал: “В своей диссертационной работе тов. Майрановский дал новую формулу борьбы с ОВ через применение различного рода аминокислот. Его работа имеет исключительную ценность”. И – ни тени сомнения в том, как были получены “исключительно ценные” результаты.

Известна и другая сторона деятельности академика Сперанского. В 1950 году он принял активное участие в уничтожении физиологической науки на двух сессиях “большой” и медицинской академий, провозгласивших торжество принципов лысенковской биологии в советской физиологии. Возможно, психологической мотивацией поступков академика был страх; он боялся разоблачения того, что во время гражданской войны был врачом в армии адмирала Колчака¹⁸.

Глеб Михайлович Франк (1904–1976), известный биофизик, член АН СССР и член-корреспондент АМН СССР, был организатором и директором институтов биофизики в обеих академиях. Как ученый он имел широкую известность и занимал почетные посты в международных биофизических организациях. Когда

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

¹⁷ Геворкян Н., Петров Н. Теракты.

¹⁸ Кулаев Б.С. “Павловская сессия” и судьба советской физиологии // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1988. № 3. С. 138–141.

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Франк давал рецензию на диссертацию Майрановского, он еще не был академиком, а только заведовал биофизическим отделом ВИЭМ, то есть был близким коллегой Майрановского.

Борис Николаевич Тарусов был создателем кафедры биофизики в Московском университете (1953). Многие годы он был близким коллегой Майрановского, работая с ним в тех же институтах биохимии (1931–1940) и ВИЭМ (заведующий лабораторией с 1938). Круг научных интересов тоже был схож: закономерности взаимодействия токсинов с протоплазмой и в дальнейшем – последствия действия ионизирующей радиации.

Директор ВИЭМ и ходатай по диссертации Майрановского Николай Иванович Гращенков (1901–1964), нейропатолог и нейрофизиолог, член-корреспондент АН СССР и академик медицинской и белорусской академий, оставил о себе мрачную память среди биологов и физиологов России. После защиты докторской диссертации в 1935 году он стажировался в Англии и США, после чего занимал пост заместителя наркома здравоохранения. В 1939–1944 годах Гращенков был директором ВИЭМ, позже – директором Института неврологии в Минске и президентом Белорусской АН, затем вернулся опять в Москву, где заведовал кафедрой неврологии 1-го Московского медицинского института. В 1939 году он был в числе подписавших решение о смещении одного из величайших биологов этого столетия – Николая Ивановича Кольцова с поста директора созданного им Института экспериментальной биологии, что фактически привело к смерти Николая Ивановича. В 40–50-х годах Гращенков был широко известен своей поддержкой лысенковцев и нападками на “генетиков-идеалистов” и “идеалистов-физиологов”.

Несомненным соратником Майрановского был последний оппонент – химик Н.И. Гаврилов, директор Государственного союзного научно-исследовательского института органической химии и технологии, или “почтового ящика” № 702 на шоссе Энтузиастов, 23. Звучное название института скрывало просто промышленное производство таких химических ОВ, как иприт и люизит. Завод тоже проводил свои эксперименты, правда формально на “добровольцах” – здоровых деревенских парнях, пытавшихся устроиться на работу в Москве. Завод предоставлял им работу, место в общежитии и небольшое денежное вознаграждение за малую услугу: согласие намазать кожу неким веществом или сделать укол. Разумеется, о таких “мелочах”, как раковые и другие заболевания, – возможных последствиях мазка или укола “добровольцам” не сообщалось. Для “чистоты” экспериментов их надо было проводить на здоровых “добровольцах” в отсутствии стрессирующих факторов.

Таким образом, круг людей, знавших об экспериментах Майрановского и одобрявших их, был относительно широк и не ограничивался небольшим коллективом Лаборатории № 1 и высшим руководством НКВД–МГБ. Об этом знали также ученые и медики, принадлежавшие к элите советской биологии и медицины. Ведь кроме оппонентов на защите диссертации Майрановского присутствовали и члены ученого совета ВИЭМ.

Наследники

После ареста Майрановского и периода бюрократических реорганизаций “лаборатория смерти” не была расформирована. “Достижения” Майрановского и его коллег стали использоваться для убийств на Западе.

В марте 1953 года новый министр госбезопасности Семен Игнатьев рапортовал руководству ЦК КПСС – Маленкову, Берии, Молотову, Булганину и Хрущеву – об убийстве телохранителя Троцкого – Вольфганга Залуса: “Ликвидация Залуса осуществлена через агента МГБ, немца по национальности, всыпавшего ему 13 января с. г. специальный препарат, вызвавший смерть через 10–12 дней. Вскоре после этого Залус заболел и в одном из госпиталей Мюнхена 4 марта с. г. умер. При проверке через различные источники выяснено, что отравление Залуса не вызвало у противника каких-либо подозрений. Врачи констатировали, что смерть наступила в результате воспаления легких”¹⁹.

В 1957 году Николай Хохлов, бывший агент КГБ, в 1954 перешедший на Запад, серьезно заболел во Франкфурте-на-Майне. Было обнаружено, что болезнь – следствие отравления радиоактивным таллием. Хохлова спасли американские врачи.

В 1957 году Лев Ребет и в 1959 году Степан Бандера – известные украинские националисты-эмигранты были убиты с помощью специально сконструированного бесшумного пистолета, распылявшего синильную кислоту. Вдыхаемый жертвой аэрозоль вызывал сжатие кровеносных сосудов. Официальная причина смерти Ребета была зафиксирована как сердечный приступ. Позже, в 1961 году, Богдан Сташинский – убийца Бандеры, к тому времени награжденный за убийство орденом Красного Знамени, перешел в Западный Берлин за день до того, как было закончено строительство Берлинской стены. Сташинский рассказал о деталях убийства Бандеры и использованном оружии. Немецкий суд присудил Сташинского к 8 годам тюремного заключения за убийство.

В октябре 1964 года в Москве была сделана попытка убить немецкого радиоэксперта Хорста Швиркманна с помощью инъекции производного иприта – одного из препаратов Майрановского.

Однако самую широкую известность получило убийство в Лондоне в 1978 году болгарского журналиста-диссидента Георгия Маркова, активно выступавшего против коммунистического режима в Болгарии. Незадолго до этого секретная лаборатория № 12 КГБ, унаследовавшая функции Лаборатории № 1 Майрановского, была переименована в Центральный научно-исследовательский институт специальных технологий КГБ при Оперативно-техническом управлении КГБ и предоставлена в непосредственное подчинение Председателя КГБ Юрия Андропова. Через генерала КГБ Сергея Голубева (управление “К” Первого главного управления, или разведки) лаборатория снабдила болгарскую секретную службу “Държавна сигурност” специальным оружием – одним из прошлых “достижений” Майрановского: зонтиком, стрелявшим отравленными пулями. В качестве яда был выбран рицин. Вся операция находилась под непосредственным контро-

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

19 Рапорт № 951/и.
Цит. по: Геворкян
Н., Петров Н. Терак-
ты. С. 10.

20 Геворкян Н. Указ.
соч. С. 15.
21 Andrew C.,
Gordievsky O. KGB.
The Inside Story of its
Foreign Operations
from Lenin to
Gorbachev. N.Y.:
Harper Collins Publ.,
1990. P. 11–12.
22 Albats E. The State
Within a State. N.Y.:
Farrar, 1994. P. 352.

лем руководителя Первого главного управления КГБ (разведка) генерала Владимира Крючкова, позже Председателя КГБ и участника августовского путча 1991 года.

По словам бывшего генерала КГБ Олега Калугина, в 1978 году руководившего советской контрразведкой в Лондоне (и соответственно причастного к убийству Маркова), это была третья попытка убить Маркова²⁰. Сначала была использована мазь, которая должна была убить журналиста через один-два дня – вскрытие констатировало бы смерть от сердечного приступа. Затем яд был добавлен агентом в стакан с напитком, приготовленным для Маркова (прямо-таки как это делал “доктор” Майрановский с “подопытными”). Только пуля, начиненная рицином, сделала свое дело. Жизнь другого болгарского политического эмигранта, Владимира Костова, получившего “укол зонтика” в парижском метро, была спасена врачами. Ядовитая пуля была извлечена из его тела вовремя, и рицин не успел проникнуть в организм.

Семь лет спустя генерал Голубев, один из организаторов убийства Маркова, использовал наркотик, подмешанный в коньяк (опять арсенал Майрановского, “проблема откровенности”), при допросе агента КГБ Олега Гордиевского, впоследствии перешедшего к англичанам²¹. Дело об убийстве Маркова, заведенное на бывшего генерала КГБ Калугина, было закрыто в 1991 году тем же генералом Борискиным, который реабилитировал Судоплатова и Эйтингона.

К сожалению, “достижения” Майрановского могут быть использованы гораздо масштабнее. 22 октября 1992 года московский химик Виль Мирзаянов был арестован сотрудниками службы безопасности и помещен в Лефортовскую тюрьму. Он был обвинен в раскрытии государственной тайны в серии статей, опубликованных в московских газетах в 1991–1992 годах, в которых указал на план производства нового типа химического оружия в России, несмотря на шедшие в то время международные переговоры о ликвидации производства любых ОВ. После широкой огласки его дела Мирзаянов был освобожден из тюрьмы и позже эмигрировал в США. В интервью для документального фильма о ядах Мирзаянов отметил, что один из самых страшных ядов Майрановского, рицин, еще недавно производился в России в больших количествах в качестве ОВ. Технической проблемой было рассеивание этого яда на территории потенциального противника: при взрыве бомбы, наполненной рицином, яд неминуемо потерял бы токсические свойства из-за высокой температуры взрыва. Поэтому предполагалось создать бомбы, начиненные специальными полыми иглами с рицином внутри них. При взрыве такой бомбы рицин не денатурировал бы и одновременно решалась бы проблема введения яда в тела жертв.

Трудно сказать, что происходит с рицином и другими ядами Майрановского в настоящий момент. Однако в феврале 1994 года, когда Мирзаянов был вторично задержан и вскоре освобожден, начальник Федеральной службы контрразведки генерал Голушко в интервью, данном журналистке Евгении Альбац, сказал: “Оперативно-техническое управление [бывшего КГБ] включает институты, разрабатывающие специальную технологию и снаряжение для разведки. Оперативно-техническое управление, вместе с дизайнерами и институтами, насчитывает около десяти тысяч человек. Мы также помогаем Министерству внутренних дел”²². Названная генералом цифра в 10000 сотрудников впечатляет; в лаборатории Майрановского работало всего лишь около 20 человек.

Эпилог

Я не собираюсь сравнивать масштабность экспериментов на людях, проводившихся в нацистской Германии, фашистской Японии и Советском Союзе. Факт остается фактом: в течение более 10 лет в центре Москвы в системе НКВД–МГБ существовала лаборатория, отработавшая действие чудовищных ядов на подопытных заключенных. Об этой работе знал не только ограниченный круг руководства и сотрудников НКВД–МГБ и страны, но также и некий круг медиков, биологов и химиков, принадлежавших к “истэблшменту” ученых. Эти медики и ученые не только знали, но своими положительными отзывами на работу Майрановского стимулировали эксперименты. Как и в фашистской Германии и Японии, в СССР эксперименты на людях ставились в обстановке строгой секретности.

Все это происходило в Москве моего детства. Я хорошо помню, как менялись от страха лица людей, когда мимо проезжал “черный ворон” или фургон с надписью “Продукты”. Однако то, что внутри этих автомобилей могли находиться будущие “подопытные”, известно не было.

Я представляю себе состояние жертвы. После шока ареста по пресловутой “политической” 58-й статье, унижительных последующих процедур в тюрьме, долгих ночных допросов, зачастую с применением “незаконных” методов следствия (а попросту – чудовищных избиений резиновыми дубинками и пыток), быстрой пародии на суд в виде заседания Особого совещания со страшными словами в заключение “приговорен к высшей мере”, короткой поездки в “воронке” смертник оказывался в руках людей в белых халатах, участливо расспрашивавших его о здоровье. Он не знал, что теперь он уже не человек, а подопытный, и его умирание в руках “докторов” гораздо страшнее, чем быстрая смерть от пули палача в затылок.

Другой сценарий не лучше. Квартира в Москве с вальяжным, эрудированным, владеющим несколькими европейскими языками хозяином – Наумом Эйтингоном. Тут же находится друг хозяина – “доктор” Майрановский. Ненароком “доктор” предлагает осмотреть гостя. Оказывается, гостю срочно необходимо сделать укол или выпить лекарство. Конец истории известен.

Секретная регистрационная книга, содержащая протоколы экспериментов с именами жертв и “экспериментаторов”, якобы бесследно исчезла в ходе реорганизации МГБ–КГБ в 1953–1954 годах. Также якобы исчезла и секретная папка отчетов об “операциях”, проведенных Судоплатовым–Эйтингоном–Майрановским в разных городах Советского Союза и находившаяся в ведении заместителя Абакумова – Сергея Огольцова²³. Зная по опыту работы в архивах, что даже секретные документы часто копировались, я надеюсь, что хотя бы часть информации о жертвах экспериментов будет обнаружена, когда исследователи получат доступ ко всем архивным материалам бывшего КГБ.

Примечания

* Наркомы госбезопасности в 1920–1950-е годы: Вячеслав Рудольфович Менжинский, ОГПУ – 1926–1934; Генрих Григорьевич Ягода, НКВД – 1934–1936; Николай Иванович Ежов, НКВД – 1936–1938; Лаврентий Павлович Берия, НКВД – 1938–1941, 1941–1943; Всеволод Николаевич Меркулов, НКГБ – февраль–июль 1941, НКГБ–МГБ – 1943–1946; Виктор Семенович Абакумов, МГБ – 1946–1951; Сергей Иванович Огольцов, исполняющий

В. Бириштейн
Эксперименты
на людях
в стенах НКВД

²³ После ареста Абакумова в августе–декабре 1951 года Огольцов был исполняющим обязанности министра госбезопасности.

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

обязанности, МГБ – август–декабрь 1951; Семен Денисович Игнатьев, МГБ – 1951–1953; Лаврентий Павлович Берия, МВД – март–июнь 1953.

** Наум Исаакович Эйтингон (1899–1981) служил в органах ГБ с 1920 года, сначала в Восточном, затем в Иностранном отделе ОГПУ. С июля 1941 года – заместитель Судоплатова на всех постах; генерал-майор с 1945 года. В 1951 году арестован по обвинению в принадлежности к сионистской заговорщицкой организации в МГБ; освобожден в 1953. С мая 1953 года – зам. начальника 9-го отдела 2-го Главного управления МВД (то есть Судоплатова). Вторично арестован 20 августа 1953 года и осужден “за измену Родине” в 1957; освобожден в 1964 году. Работал редактором в издательстве “Международная книга”.

*** Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) служил в органах ГБ с 1921 года. С 1928 года – в Иностранном отделе ОГПУ, с февраля 1941 – зам. начальника 1-го Управления (разведка) НКГБ СССР, с июля 1941 – начальник Особой группы НКГБ, в 1942–1946 годах – начальник 4-го Управления НКВД–НКГБ (диверсионно-террористическая деятельность в тылу врага); генерал-лейтенант с 1945 года. С 1946 года – начальник службы ДР МГБ, в 1950–1953 годах – начальник Бюро № 1 “по диверсионной работе за границей”; после слияния МГБ с МВД в апреле 1953 года – начальник 9-го отдела 2-го Главного управления МВД. Арестован 21 августа 1953 года и осужден “за измену Родине” в 1957; освобожден по отбытии срока в 1968 году.

**** Публикация аудиозаписей мемуаров Судоплатова на английском языке (см.: Sudoplatov P., Sudoplatov A., Schecter J., Schecter L. *Special Task. The Memoirs of an Unwanted Witness – a Soviet Spymaster*. Boston: Little, Brown and Co., 1994) вызвала бурю протестов в американской прессе и международных научных журналах (напр.: *Insubstantial charges of treason // Nature*. 1994. Vol. 368. P. 779–780), а также выступление в печати русских ученых (см.: Могут ли спецслужбы заменить Академию наук? Обсуждение в Президиуме РАН // *Вестн. РАН*. 1994. Т. 64. № 11. С. 969–980). Насколько могу судить, мемуары состоят из смеси реальных фактов, полуправды и откровенной дезинформации. Я лично встречал двух бывших политзаключенных, знавших Судоплатова во Владимирской тюрьме, Бориса Георгиевича Меньшагина и Революта Пименова, которые задолго до выхода мемуаров излагали некоторые факты биографии Судоплатова с его слов в тюрьме иначе, чем Судоплатов позже описал их в книге.